

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС 3-ГО ЛИЦА В РАМКАХ КАТЕГОРИИ ЛИЦА

Дахалаева Е.Ч.

ГОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», Улан-Удэ, Россия (670013, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, строение 1), e-mail: lizdach@mail.ru

Рассмотрены различные точки зрения на природу 3-го лица в рамках категории лица, где выявлены два противоположных взгляда. Согласно одним авторам, 3-е лицо не может быть полноценным лицом. Вторая точка зрения, которой придерживаемся и мы в своем исследовании, оценивает 3-е лицо как полнозначный член триады лиц. 3-е лицо наделено функцией полноценного лица в силу своей способности являться объектом речи. Еще два аргумента в пользу «полноправности» 3-го лица в рамках категории лица – это явления адресации от 3-го лица и самоименования от 3-го лица. Приведен ряд примеров по рассматриваемым явлениям. Рассмотрен вопрос о субъективном и объективном в мире и языке, дающий представление о возможности расщепления образа референта на «субъект» и «объект». В результате анализа феномена объективированного самоименования нами определена эквивалентность терминов «иллеизм» и «объективированные автореферентные номинации». Рассмотрена этимология термина «иллеизм». Определен высокий коммуникативно-прагматический потенциал иллеизмов.

Ключевые слова: иллеизм, объективированные автореферентные номинации, адресант речи, адресат речи, ситуация речевого общения, референт, категория лица, субъективность, субъект речи.

THE LINGUISTIC STATUS OF THE THIRD PERSON WITHIN THE CATEGORY OF PERSON

Dakhalaeva E.C.

The East-Siberian state university of technologies and management, Ulan-Ude, Russia, (670013, the republic of Buryatia, Ulan-Ude, street Kluchevskaya, 40v, building 1), e-mail: lizdach@mail.ru

We have considered different points of view on the essence of the third person within the category of person. As a result of this the two opposite opinions have been revealed. According to the first group of authors the third person cannot be a full-value person. The second point of view which is being held in our research evaluates the third person as a real person of the triad of persons. The reason of it is the capacity of the third person to act as an object of the speech. The two other arguments in favor of the third person full value are the phenomena of the addressing from the third person and the selfnomination. We have given some examples on the considered phenomena. We have examined the question on the subjective and objective in the world and in the language. It gives us the idea of the referent image decomposition on two forms: "subject" and "object". In the result of the analysis of the self nomination phenomenon, we have defined that the terms "illeism" and "objective autoreferential nominations" are equivalent. The etymology of the term "illeism" has been studied. It is stated that the illeisms are characterized with a very high communicative –pragmatic potential.

Key words: illeism, objective autoreferential nominations, speech sender, speech addressee, the situation of speech communication, referent, the category of person, subjectivity, the subject of the speech.

В рамках современных лингвистических исследований изучение функционирования и использования языковых средств происходит с позиций системного подхода [5]. Особую актуальность приобретают исследования, посвященные проблеме самоименования субъекта речи.

Целью нашего исследования является выявление системообразующего когнитивного механизма объективированной автономинации в процессе коммуникативного взаимодействия.

Практическим **материалом** исследования являются произведения художественной литературы, серии газетных и журнальных статей, телепередач, интернет-ресурсы (на материале русского, английского и французского языков).

В исследовании применяются **общенаучные методы**: наблюдение: анализ, синтез, сопоставление, классификация, а также специальные методы лингвистического исследования: метод контекстуального и ситуативного анализа, метод интерпретации.

Изучение феномена самоименования и адресации от 3-го лица неразрывно связано с особым статусом 3-го лица в рамках категории лица.

Эмиль Бенвенист первым среди лингвистов обратил пристальное внимание на проблему субъективности в языке. Разработанная Э. Бенвенистом теория отражает неравнозначные коммуникативные роли в рамках известной триады: 1-е лицо (тот, кто говорит), 2-е лицо (тот, к кому обращаются), 3-е лицо (тот, кто отсутствует, о ком говорят). По мнению автора теории, 3-е лицо противопоставлено 1-му и 2-му. Во-первых, первые два лица включены в тесное взаимоотношение в рамках акта коммуникации, им присуща своего рода уникальность: «... "я", которое производит высказывание, "ты", к которому обращено высказывание, каждый раз уникальны. Напротив, "он" может представлять собой бесконечное число субъектов – либо ни одного» [1].

Отсутствие подобных характеристик в рамках коммуникативного акта у 3-го лица позволяет присвоить ему статус «не-лица» («non-personne»). П. Шародо также наделяет 3-е лицо характеристикой «не-лица». Оно соответствует номинальным группам, о которых идет речь [7].

Противопоставление «1-е и 2-е лицо vs 3-е» лицо имеет много частных отражений на примере различных языков. Так, в алгонкинских индейских языках в рамках третьего лица существует противопоставление между проксимативным (ближним, привилегированным) и обвиативным (дальним, второстепенным) лицом. Проксимативным обычно выбирается лицо, известное или близкое говорящему, либо находящееся в его поле зрения. Обвиативное лицо – более далекое и менее важное лицо, либо находящееся вне поля зрения говорящего.

В другой группе языков Северной Америки, в атабаскских языках, 3-е лицо кодируется иначе, чем 1-е и 2-е. Во многих языках наблюдается общее происхождение местоимений 3-го лица и указательных местоимений. В некоторых языках эти две группы слов до сих пор неразличимы. В ряде языков именно у 3-го лица наблюдаются показатели рода и одушевленности. Наконец, во многих языках в отношении тех или иных грамматических явлений 3-е лицо обладает меньшим приоритетом перед формами 1-го и 2-го лица.

Возвращаясь к параметрам *канонической речевой ситуации*, с одной стороны, мы не можем не согласиться с фактом отстраненности 3-го лица от участия в коммуникации. 1-е и 2-е лица соответствуют говорящему и адресату, при этом демонстрируют взаимобратимость: говорящий – этот тот, кто присваивает себе форму «я» в определенный

момент высказывания. Однако инициатор общения лишается этого статуса, когда в разговор вступает его собеседник, теперь он захватывает форму «я», наделяя формой «ты» своего визави.

Тем не менее существуют иные точки зрения по поводу природы 3-го лица. Целью исследований Ж. Муанье является попытка противостоять мнению Э. Бенвениста. Он считает, что 3-е лицо не стоит относить к категории неполноценных, т.к. основная форма лица заключена в 3-м лице безличного глагола. Ж. Дюбуа сближает форму «лица» с формой 3-го лица, считая все личные местоимения структурными субститутами именной синтагмы [3].

А. Жоли приходит к выводу о том, что при анализе лиц необходимо учитывать пространственный и временной факторы. В целом 3-е лицо имеет две негативные характеристики, такие как «не-говорящий» и «не-собеседник». При этом 3-е лицо нельзя называть «не-лицом», гораздо лучше обозначить его как «не-лицо – собеседник», в итоге оно все же является лицом, поскольку обладает главным свойством всех лиц: быть «объектом речи» [9].

В рамках проводимого исследования нами также подтверждается правомерность присвоения 3-му лицу статуса «лица». Одним из аргументов в пользу сказанного является факт того, что в реальном общении мы сталкиваемся с рядом явлений: наряду с адресацией в 3-м лице, становится возможным самоименование от 3-го лица. Таким образом, стираются негативные характеристики 3-го лица, оно приобретает статус и «говорящего», и «собеседника».

Широко известны потенциальные транспозиции «3-е vs 2-е лицо». Приведем лишь некоторые из них.

3-е лицо может употребляться вместо 2-го, когда субъект речи, обращаясь к своему адресату, некоторым образом выражает свое пренебрежение. Не наделяя адресата речи статусом 2-го лица, он, можно сказать, исключает его из процесса коммуникации, игнорирует его: *«Вот стоит и смотрит, другой бы постыдился, а ему все равно».*

Делая экскурс в прошлое, вспомним, что обращение нижестоящего по рангу лица к лицу, наделённому властью (слуга – король, раб – хозяин), также стандартно характеризовалось формой 3-го лица.

Известно, что японское речевое поведение исключает возможность адресации во 2-м лице.

Наряду с адресацией в 3-м лице особый интерес вызывает феномен самоименования от 3-го лица.

Прежде всего, автономия от 3-го лица отмечена в дискурсе малолетних детей, а также взрослых, вступающих в коммуникацию с первыми. Говорить о себе в первом лице ребенок, как правило, начинает после кризиса трех лет. Именно к этому возрасту малыш впервые понимает, что он – это именно он, и начинает избавляться от форм 3-го лица.

Самоименование от 3-го лица может быть сопряжено с физическими параметрами речевой ситуации. Оно становится необходимым условием при самоидентификации личности говорящего в монолокутивных условиях, характеризующихся отсутствием зрительного контакта (общение за дверью, за оградением, по телефону без определителя и др.).

Транспозиция «1-е лицо vs 3-е лицо» является необходимым требованием при самопрезентации, самоидентификации личности говорящего в особых институциональных условиях общения.

В рамках данной статьи мы не ставим перед собой цель обобщить все случаи нестандартных самоименований и адресаций, однако отметим высокую степень актуальности изучаемого нами вопроса. В интернет-пространстве различных стран существует значительное количество материала, посвященного проблеме самоименования от 3-го лица. Интернет-сообщество многократно ставит перед собой вопрос о том, почему транспозиции «2-е лицо vs 3-е лицо», «1-е лицо vs 3-е лицо» непрерывно актуализируются в речи.

Поиск объяснения рассматриваемому явлению приводит нас к рассмотрению универсального противопоставления, лежащего в основе реальной действительности и внутреннего мира человека говорящего, оппозиции «субъективное – объективное».

Рассуждая о субъективности в языке, Э. Бенвенист утверждает, что только благодаря языку человек превращается в субъекта. Быть субъектом значит осознавать свое «Я». А подобное возможно только при противопоставлении своего Ego кому-то другому. Именно язык предоставляет ярчайшую и наиболее доступную возможность подобной оппозиции. «Я могу употребить Я только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как Ты» [1]. С другой стороны, и язык возможен только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве субъекта, называющего самого себя как Я в своей речи.

М. Бубер в своей работе «Я и Ты» ведет речь о двойственности мира человека, которая, в свою очередь, проистекает из двойственности двух основных слов, употребляемых каждым из нас. «Одно основное слово – это пара Я-Ты, другое основное слово – пара Я-Оно» [2]. Не меняя смысла основного слова Я-Оно, можно вести речь о словах Я-Она, Я-Он.

Автор приходит к выводу, что на основе двойственности главных слов Я человека также двойственно. Не существует Я самого по себе. Когда человек говорит Я, он имеет в виду либо Ты, либо Он. С другой стороны, если сказано Ты, то вместе с этим сказано Я пары Я-Ты, соответственно, если сказано Оно, значит, упомянуто Я пары Я-Оно.

Таким образом, в процессе реализации практических отношений человека к другому человеку, миру, обществу, в результате овладения и сознательной регуляции этих отношений становится возможным возникновение и существование субъективности.

Субъективный мир человека тесно связан с объективной реальностью. Более того, субъективность обусловлена объективной реальностью, она входит в состав реальных жизненных процессов человека, а потому субъективное и есть объективное. Как следствие, в языке мы непременно находим отражение субъективного отношения воспринимающего этот мир человека к предметам, явлениям и событиям реального мира.

Итак, в структуре «человек – мир» можно выделить, с одной стороны, отношение «человек – человек», где в качестве наблюдаемого внешнего объекта выступают реалии внешней непосредственно наблюдаемой жизни: другие люди и отношения. С другой стороны, мы можем выделить оппозицию «человек – сам человек»: человек сам способен вынести суждение о себе, став объектом собственного наблюдения.

В своей концепции Ж.-П. Сартр понятию «Я» противопоставляет понятие «Другой». Другой имеет решающее значение для формирования самосознания говорящего. «Другой превращает субъекта познания в его объект. Благодаря существованию Другого человек способен вынести суждение о самом себе как объекте» [6]. Познавая самого себя, человек одновременно является не только субъектом, но и объектом собственной мысли и речи.

Таким образом, в Я человека есть не только активно познающее начало, но как бы и познаваемый, рассматриваемый со стороны объект, своеобразное отражение «Я» говорящего. Человеческий субъективный мир, отличный от мира объективного, – это не только сфера сознания, но и самосознания, благодаря чему человек, как субъект рефлексирующий, способен оценить образ самого себя, отделив в представлении себя свое Я от своего жизненного окружения, сделать свой внутренний мир, свою субъективность предметом осмысления, понимания, а главное – предметом практического преобразования.

Существование человеческого Я в двух ипостасях – субъективной и объективной – непременно обретет свое отражение в языке и речи. Расщепление образа референта на «Я-субъект» и «Я-объект» предоставляет возможность возникновения субъективированной (от 1-го лица) и объективированной (от 3-го лица, с точки зрения внешнего наблюдателя) номинации человека.

Мы приходим к выводу о том, что осознание себя в ряду Других, отношение к самому себе, оценка своего «я» могут быть определены в ряду тех интрасубъективных факторов, которые накладывают особый отпечаток на непосредственный материальный результат, представляемый говорящим в процессе непосредственного речевого общения и в итоге являющийся объектом нашего пристального внимания.

Таким образом, в рамках нашего исследования для обозначения явлений самоименования и адресации от 3-го лица мы можем оперировать термином «объективированная автореферентная номинация» (ОАН).

Для обозначения рассматриваемых нами феноменов мы также пользуемся термином *illeism*. В свою очередь, отметим, что есть некоторые расхождения в понимании этого термина в англоязычной и русскоязычной лингвистике.

Отечественные толковые и лингвистические словари определяют иллеизм как дублирование местоимения именем (или имени местоимением), избыточное употребление местоимения 3-го лица в целом (при этом не только в целях самоименования): «*Вот она, звезда пленительного счастья*», «*Собаке, ей тоже нужно внимание*» [4]. В то же время иллеизм толкуется, особенно в устной речи, и как стилистическая ошибка, аналогичная употреблению слов-паразитов: «*Он, Пушкин, родился в 1799 году*».

В западной лингвистике термин *illeism* имеет два значения.

1. Использование местоимения третьего лица для обозначения кого-то, кто должен быть обозначен как «ты», «вы». Таким образом, это не что иное, как адресация в 3-м лице. Например: главный персонаж британского сериала «*Rumpole of the Bailey*» называет свою жену не иначе как «*She who must be obeyed*». Обращаясь к супруге, он может произнести следующее: «*Yes, she who must be obeyed has spoken and I can but submit to her will*».

2. Использование выражений в 3-м лице при самоименовании: «*Stop asking me the same thing. Your dad has (= I have) said 'no' and that is the end of it*» [8].

Сам термин «иллеизм» создан на базе латинского указательного местоимения *ille*, а не существительного, глагола или другой самостоятельной части речи, как происходит при образовании множества других терминов. Во французском языке от этого местоимения образовались местоимения 3-го лица «он» – *il*, «она» – *elle*, а также артикль мужского и женского рода *le/la*.

Отметим, что латинские местоимения *ille, illa, illud* не являются личными местоимениями 3-го лица. Это указательные формы, означающие «тот, та, то, кто более удален от говорящего». При этом в латинском языке существует другая указательная форма, означающая более близкий к говорящему предмет/объект, – местоимение *hic, haec, hoc* («этот, эта, это»). Интересный факт: форма *hic* в конечном счете не была использована для обозначения

рассматриваемого нами явления (мы не оперируем термином *hicism* для обозначения самоименования от 3-го лица). Возможно, это косвенно свидетельствует о том, что в процессе объективации самоименований в Я человека рассматриваемый со стороны «Я-объект» максимально дистанцируется от «Я-субъекта».

На данном этапе исследования мы можем сделать следующий **вывод**. Мы ставим перед собой вопрос о том, в каких условиях, с какими целями говорящий использует ОАН в той или иной ситуации речевого общения. Объективированные самоименования, или иллеизмы, являются очень эффективным средством автономинации и адресации, так как, в отличие от стандартных местоимений 1-го и 2-го лица, они способны выделить различные грани Я говорящего и Я адресата. Благодаря факту того, что говорящий может рассматривать себя не только в качестве субъекта, но и объекта, мы имеем множество ярких примеров иллеизмов. Известно, что в ряде восточных языков, в зависимости от компонентов речевой ситуации, статусов собеседников, использование объективированных форм именованя является непременным условием успешной коммуникации.

Мы считаем, что исследование объективированной автономинации требует системного подхода, что подразумевает необходимость выявления динамической модели взаимодействия формы, функции и значения иллеизмов.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Бубер М. Я и Ты. – М. : Высшая школа, 1993. – 173 с.
3. Васильева А.К. Местоимение и его категории во французском языке. – Л. : Ленинградский пед. институт им. А.И. Герцена, 1973. – 68 с.
4. Иллеизм // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: сайт. – URL: http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_11.htm. (дата обращения: 23.08.2012).
5. Костюшкина Г.М. В поисках системообразующего механизма в языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск. 2012. – Вып. 2. – С. 128-133.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
7. Charaudeau P. Grammaire du sens et del'expression. – Paris : Hachette, 1992. – 927 p.
8. lleism // Wikipedia, the free encyclopedia: сайт. – URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Illeism>. (дата обращения: 30.11.2012).
9. Joly A. Essai de systématique énonciative. – Lille : Presses universitaires de Lille, 1987. – 332 p.

Рецензенты:

Костюшкина Галина Максимовна, доктор филологических наук, профессор Иркутского государственного лингвистического университета, г. Иркутск.

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор Кузбасской государственной педагогической академии, г. Новокузнецк.